

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ / GENERAL HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.34>

О РАННИХ ЭТАПАХ ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Научная статья

Алексеев К.А.¹ *

¹ORCID : 0000-0001-9131-6331;

¹Высшая Школа Предпринимательства, Тверь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (alekseev.k[at]mail.ru)

Аннотация

Задачей настоящей статьи является попытка проследить начальные этапы исторического пути прото-греков от момента их обособления как самостоятельной лингвистической группы от индоевропейской языковой семьи. Методология, примененная автором, строится на комплексном анализе и системной оценке данных различных источников – палеогенетики, антропологии, археологии и глоттохронологии. В ходе исследования удалось определить даты, места и обстоятельства поворотных моментов судьбы греческого племени, проследить его путь из ареала культуры Тисапольгар через ареал Триполья в Буджакскую степь, Валахию и, наконец, в Элладу. На основе полученных результатов сделаны выводы о прото-греческой этнической принадлежности памятников нижнемихайловского типа. Разрешение проблемы греческого этногенеза открывает возможности для системной оценки происхождения ближайших к грекам индоевропейских лингвистических групп – фракийской, армяно-фригийской, индо-иранской.

Ключевые слова: индоевропейцы, прото-греки, палеобалканцы, нижнемихайловский тип памятников, Ямная культура.

ON THE EARLY STAGES OF THE ETHNOGENESIS OF THE ANCIENT GREEKS

Research article

Alekseev K.A.¹ *

¹ORCID : 0000-0001-9131-6331;

¹Higher School of Entrepreneurship, Tver, Russian Federation

* Corresponding author (alekseev.k[at]mail.ru)

Abstract

The aim of this article is to trace the initial stages of the historical path of the Proto-Greeks from the moment of their separation as an independent linguistic group from the Indo-European linguistic family. The methodology applied by the author is based on the complex analysis and systematic evaluation of the data from different sources - paleogenetics, anthropology, archaeology and glottochronology. In the course of the research, dates, places and circumstances of the turning points in the fate of the Greek tribe were determined, the way from the area of the Tisapolgar culture through the Tripolie area to the Bujak steppe, Wallachia and finally to the Hellas was traced. On the basis of the obtained results, conclusions about the Proto-Greek ethnicity of the Lower Mikhaylovka monuments were made. The solution of the problem of Greek ethnogenesis opens up the possibility of a systematic evaluation of the origin of the Indo-European linguistic groups closest to the Greeks – Thracian, Armenian-Frygian, Indo-Iranian.

Keywords: Indo-Europeans, Proto-Greeks, Paleobalkans, Low Michajlovka Monument Type, Yamnaya Culture.

Введение

Благодаря трудам греческих историков нам в достаточной мере понятны обстоятельства и время прибытия древних греков в Элладу. Это событие приходится на Раннеэлладский период III (2300-2000 гг. до н.э.), когда в Пеласгии (Фессалии) впервые появляется шнуровая керамика (на поселении Пефкакия близ совр. г. Волос) [1, С. 159-160]. Подобная датировка шнуровой керамики в Фессалии соответствует появлению аналогичной орнаментации в Эзеро В (фаза Михалич, 2400-2000 гг. до н.э.) [2, С. 15,18], с каковой фазой синхронизируются курганы Ямной культуры во Фракии: Бояново (2236±27 г. до н.э.) и Бенковский (2222±28 г. до н.э.) [3, С.36,32].

Таким образом, последняя остановка греков как единой диалектной общности перед выходом на исторические места обитания в Элладе состоялась в Македонии, Иллирии, Эпире и Фессалии [4, С.86]. Около 2100 г. до н.э. носители шнуровой керамики проникают на Пелопоннес, разрушают Лерну III и основывают Лерну IV [5, С. 154-155], [6, С. 151]. При этом дорийцы еще на 1000 лет задержались в Эпире и Фессалии, а македоняне и вовсе не покидали этого региона.

Предпоследней остановкой греков называется ареал культуры Глина III на северном берегу Дуная [1, С. 106, 160-163]. Иными словами, в своей миграции греки, форсировав Дунай, перевалили Балканский хребет и вышли в Македонию и Фессалию, поэтому их незачем искать среди ямников Фракии (Тырнава, Кнежа, Медникарово).

Однако от момента обнаружения греков (прото-греков) в ареале культуры Глина III начинается кардинальное расхождение в концепциях различных авторов. Одни отрицают ямное (степное, курганное, причерноморское = понтийское) происхождение греков: в частности для Яноша Маккая греки – это наследники культуры линейно-ленточной керамики, а для Яноша Харматты – наследники культуры Тисапольгара [7, С. 194], [8, С.9].

Напротив, для Михаила Сакеллариу греки – это выходцы из Понтийских степей, носители Курганной культуры (в понимании М. Гимбутас) [1, С.251]. Однако в силу языкового барьера достижения советских археологов и материалы, введенные ими в научный оборот, оставались неизвестны для западных исследователей. Южнорусские степи представлялись «черной дырой», в которой исчезала любая культурная информация. По существу, сказать, что прото-греки происходят из Причерноморских степей – это не сказать ничего, поскольку наследники советской археологической школы отлично знают, что в период Ранней Бронзы в степях от Днепра до Дуная бытовало несколько культурных традиций, и у каждой была своя историческая судьба.

С другой стороны, сами советские археологи в силу узкопрофессионального подхода к своему предмету, практически никогда не пытались определить этническую принадлежность изучаемых археологических феноменов.

Таким образом, финальные фазы греческого этногенеза перед самым приходом на исторические места обитания в Элладе относительно ясны и не вызывают сомнений у исследователей, однако начальные фазы этого процесса, а именно выделение прото-греков из индоевропейской семьи и их первые самостоятельные шаги, остаются скрытыми, гипотетическими, а потому вызывающими споры.

Методы и принципы исследования

Для обнаружения континуитета между финальными и начальными стадиями греческого этногенеза мы будем пользоваться тем же междисциплинарным методом комбинирования археологии, истории, лингвистики, с прибавлением антропологии и палеогенетики, каковым пользовались исследователи М. Сакеллариу и Я. Маккай [4, С. 66]. Посредством этого метода мы сможем рассмотреть историю собственно греческого племени в более широком контексте всей индоевропейской семьи (по крайней мере, ближайших лингвистических сородичей греков – индоиранцев, фракийцев и армяно-фригийцев [9, С. 369]). Обратим внимание, что мы исходим из существования сепаратной греко-армянской языковой группы, обособленной от индоиранской, которую вслед за И.М. Дьяконов именуем *палеобалканской*, при этом в рамках этой группы греки были единственными, у кого не произошло палатализации велярных фонем, тогда как армянские, фригийские и фракийские диалекты стали сатемными [10, С. 112, 124].

Основные результаты

Как мы уже указывали, культурно-определяющим признаком греков в Элладе полагается шнуровая керамика (М. Сакеллариу). Христос Думас называет иной набор признаков – чернолощенная керамика, сделанная на гончарном круге [6, С. 151]. Гончарный круг впервые и появляется в Трою II (2500–2200 гг. до н. э., по К. Блегену) [11, С. 29-30]. Греки заимствовали его, когда в период 2300-2100 гг. до н.э. поселились в Фессалии (Пефкакия), непосредственно выйдя на побережье Эгейского моря и, несомненно, установив контакт с обитателями противоположного берега. В дальнейшем технологию изготовления керамики на гончарном круге греки принесли в Элладу (на Пелопоннес, Лерна IV).

Как таковая чернолощенная керамика (сделанная еще вручную) обнаруживается в культуре Глина III (поселение близ Бухареста) – Шнекенберг (холм близ Брашова в верховьях Олта) [11, С. 79]. Керамический комплекс этой культуры восходит к традициям культуры Коцофени [12, С. 357] – очевидно, что Глина III возникает вполне самостоятельно после естественного угасания Коцофени [13, С. 445]. Таким образом, нижние слои Глины III, перекрывающие слои Коцофени, могут датироваться 2450-2300 гг. до н.э. В следующей фазе (2300-2150 гг. до н.э.) в керамике Глины III появляется (как и повсеместно на Балканах – в Эзеро В и Пефкакии) шнуровой орнамент [11, С. 79]. Несомненно, это свидетельство прихода носителей Ямной культуры и шнуровой керамики, которые оставляют курган Плоешти-Трияж (ж.д.-станция к северу от Бухареста). С.В. Иванова соглашается с Л. Николовой в определении характера взаимодействия ямников и насельников Глины III: оно было минимальным, ямники занимали лишь незначительные микрорайоны в ареале Глина [13, С. 444], [2, С.16].

На наш взгляд отношения двух культур были гораздо существеннее и подобны отношениям Эзеро и ямников во Фракии, когда происходит взаимопроникновение культур с возникновением поликультурной инвариантности. Применительно к культуре Глина, мы предполагаем, что чернолощенная керамика была принесена вместе с шнуровым орнаментом, и весь этот комплекс был перенесен затем в Фессалию.

Наконец, отмечается, что культура Глина представлена в основном поселениями [13, С. 444], соответственно погребения, которые относят к культуре Глина, могут рассматриваться не как собственные погребения субстрата, а именно как свидетельство смешения с пришлым суперстратом – в частности погребения близ Шнекенберга характеризуются скорченным труположением на боку в каменном ящике [11, С. 79]. Скорченное труположением на боку может свидетельствовать как в пользу местных традиций (аналогичным образом хоронили в Эзеро и Батине [13, С. 442, 444]), так и в пользу степного происхождения погребенных.

Что же касается каменного ящика (цисты), то несомненно, что на Кикладах подобный обряд захоронения был распространен еще в I Раннеэлладском периоде (3000-2600 гг. до н.э., на Крите и Кикладах) [11, С. 14, 31], однако Сакеллариу отмечает конструктивную разницу между кикладскими и позднейшими каменными ящиками (например, на Левкасе и в беотийских Фивах), относимых к III Раннеэлладскому периоду (2300-2000 гг. до н.э.) [1, С. 99]. При таких обстоятельствах каменные цисты в Трансильвании – это безусловно самостоятельное, независимое от Киклад, культурное новшество, истоком которого является Северное Причерноморье (судя по кургану Ямной культуры Рогойевац, на картах – Рогојевац, близ Крагуеваца на территории современной Сербии [13, С. 441]).

В любом случае, как бы не складывались отношения ямников с насельниками Глины, несомненно, что ямники (со своим культурным багажом – чернолощенная керамика, шнуровой орнамент, курганы, каменные ящики, вероятно, труположение на боку) около 2300 г. до н.э. вошли в ареал культуры Глина и поселились в Валахии.

Насколько долго они пребывали в этом регионе, принимали ли участие в дальнейшем культурном развитии или практически без задержки проследовали далее на юг – в Македонию и Фессалию, на данной стадии исследований

сказать сложно. Тем не менее мы уже знаем, какой набор археологических признаков должен характеризовать прото-греков в тех степях, из которых они прибыли в Валахию.

Более того, если исходить из принципа минимальных контактов Глины и ямников, предполагая минимальный срок пребывания ямников в Валахии, это лишь будет свидетельствовать в пользу того, что ямники были именно искомыми прото-греками, а вовсе не субстратом Глины и Коцофени. По существу, Глину III как незначительную остановку на пути следования в Элладу можно было бы вовсе исключить из нашего дискурса, и начать поиск культурного ядра прото-греков (чернолощенная керамика, шнуровой орнамент, курганы и т.д.) непосредственно в Южнорусских степях.

Здесь этот культурный комплекс признаков присущ т.н. *памятникам нижнемихайловского типа*. Хронологически эти памятники разделяются на те, которые соответствуют поселению Михайловка I (3370-2940 гг. до н.э.), и в этом случае это будут памятники *типа Осокоровки* (на Херсонщине), выделенном в своё время В.Н. Даниленко [14, С. 127]. Подчеркнём, что этот тип памятников характеризуется скорченным на спине труположением, при этом уже присутствует курганный обрядность и чернолощенная керамика. Последнюю связывают с влиянием культуры Гумельница [15, С. 112].

После 2940 г. до н.э. согласно радиоуглеродным датировкам поселение Михайловка I было заброшено, население, вероятно, мигрировало на запад в бассейн Ингула и Южного Буга. Этот этап развития памятников нижнемихайловского типа Д.Я. Телегин назвал *широчанско-баратовским* (по курганным памятникам у сел Широкое на Ингульце и Баратовка на Южном Буге). А.В. Николова и Ю.Я. Расамакин именуют памятники этого периода *днепро-бугской группой* (подчеркивая названием район бытования данного типа древностей). Указанный этап характеризуется доминированием скорченного на боку труположения и широким применением камня при обустройстве могил (включая каменные ящики, например, в Баратовке, кург. 1). Продолжает бытовать чернолощенная керамика [16, С.7-8]. Шнуровой орнамент пока отсутствует. Наиболее поздние памятники нижнемихайловского типа датируются 2484 г. до н.э. (курган Красное 9/17 близ Дубоссар в Приднестровской Молдавии) [17, С. 110].

По основанию наличия большинства признаков культурно определяющих древних греков в ареале Глина III и в Элладе (чернолощенная керамика, курганы, каменные ящики, труположение на боку), мы полагаем, что именно памятники нижнемихайловского типа в широчанско-баратовском периоде (2940-2485 гг. до н.э.) были археологическим эквивалентом прото-греков и свидетельством их обитания в Причерноморской полосе от Днестра до Днестра.

Обратим здесь внимание на два обстоятельства. Во-первых, на этапе Осокоровка нижнемихайловские древности не были ни прото-греческими, ни, вероятно, даже индоевропейскими. Прото-греки вливаются в состав выходцев из Михайловки I и становятся носителями культуры соответствующего типа только на широчанско-баратовском этапе.

Во-вторых, с точки зрения глоттохронологии это были еще даже не собственно греки, а целиком палеобалканская макро-группа в составе будущих греков, армян, фригийцев и фракийцев. Очевидно, что в ходе взаимодействия с выходцами из Михайловки I еще не разделенный на диалекты палеобалканский индоевропейский язык начал доминировать в сформировавшейся культурной общности. Очевидно, палеобалканцы стали культурной элитой на широчанско-баратовском этапе и привили носителями нижнемихайловских традиций обряд труположения скорчено на боку вместо прежнего положения трупа скорчено на спине (тип Осокоровки). Подобный прецедент имел место в отношении насельников Деревинской культуры, так же заимствовавших от трипольцев обряд труположения скорченное на боку [15, С. 88].

В целом ритуал труположение на боку является традиционным для большинства земледельческих культур Старой Европы [18, С. 188]. Для нашего исследования он тем более важен, что указывает на происхождение его носителей. Обращает на себя внимание, что аналогичным образом хоронили в Усатово: 14,5% - на правом боку, 51% - на левом [19, С. 41] и в животиловской группе памятников Трипольской культуры [20, С.28]. Одинаков был и антропологический тип трипольцев и тех, кто практиковал труположение на боку в Степи (палеобалканцев) – в обоих случаях это были грацильные, долихоцефальные средиземноморцы. По прижизненному внешнему виду они вряд ли отличались, однако по краниологическим метрикам антропологи все-таки утверждают, что это были две различные по этническому происхождению долихоцефальные популяции: одна – классическая трипольская, представленная в Усатово, другая – степная со скорченными на боку костяками, распространенная в Северо-Западном Причерноморье (Буджакская степь), на Херсонщине и в бассейне р. Молочной (в Запорожье, на левобережье Днестра) [17, С. 126, 129].

Откуда приходит эта средиземноморская популяция, которая не была трипольской, но тоже практиковала скорченное на боку труположение? Дальнейшие антропологические исследования позволили сделать на наш взгляд ключевое для разрешения индоевропейской проблемы заключение: антропологический кластер (р. Молочная, р. Ингулец, Нижнее Поднепровье – Каховка, Херсонщина) наиболее близок носителям культуры Тисапольгар [21, С. 129, 133]. И таким образом, утверждение Яноша Харматты, видевшего истоки греческого этноса в культурах Альфельда и Трансильвании, обретает доказательную базу. Только исторический путь прото-греков оказывается намного сложнее: Тисапольгар – ареал Триполья – памятники нижнемихайловского типа – Ямная культура – ареал Глина III – Македония и Фессалия – Эллада.

По тисапольгарской керамике, встречающейся на трипольских поселениях Брынзены III и Костешты IV мы датировали миграцию населения из ареала Тисапольгар около 3080 г. до н.э., причем отмечали, что мигрировала целиком аугментная макро-группа индоевропейцев (в составе палеобалканцев и индо-иранцев) [22, С. 140]. Очевидно, что в ходе этой миграции произошла дивергенция макро-группы: индо-иранцы оседают на трипольских поселениях Жванецкой группы (Варваровка XV, Брынзены III, Костешты IV, Жванец-Шовб, Бильце-Золотое-Вертеба), тогда как обособившиеся палеобалканцы продвинулись на Южный Буг и остановились на трипольских поселениях типа Небелевка.

Само поселение Небелевка являет хронологический этап перехода от поселений типа Владимировка (3330-3260 гг. до н.э.) к поселениям типа Томашовка (даты для Майданецкого: 2940-2650 гг. до н.э.) [23, С. 9, 24, 162], [24, С. 28], таким образом, этот переход может быть датирован концом Триполья В II – началом Триполья С I (3260-2940 гг. до н.э.). В указанный период население Небелевки активно взаимодействовало с насельниками Нижнемихайловской культуры на поселении Новорозановка (на берегу Ингула в Николаевской обл.) – керамика обеих культур залегает совместно в одном слое. Для Новорозановки имеется одна дата – очевидно, верхняя, с очень большой амплитудой отклонения: 4904 BP ± 300 (по некалиброванной шкале - 2954 г. до н.э.) [15, С. 39, 417].

На наш взгляд мигранты из Тисапольгара (палеобалканцы), войдя на поселение Небелевка, в качестве трипольцев участвовали в процессах культурной интеграции, происходившей на поселении Новорозановка в период 3080-2950 гг. до н.э. По существу, на базе Новорозановки сформировался новый нижнемихайловский тип древностей, характерный для Причерноморских Степей на следующем, широчанско-баратовском этапе (2940-2485 гг. до н.э.), начавшемся после того, как Новорозановка и Михайловка I были оставлены жителями.

Помимо принесенных палеобалканцами в Степь из ареала земледельческих культур (Тисапольгара и Триполья) индоевропейского языка, средиземноморского антропологического типа и обряда трупоположения скорчено на боку, высказывается мнение, что каменные ящики начинают серийно распространяться по Степи так же под влиянием трипольских мегалитических традиций [17, С. 145]. По нашему мнению этот вопрос не имеет столь однозначного разрешения и нуждается в специальном изучении для установления хронологического приоритета мегалитической практики в той или иной культурной традиции.

При этом обратим внимание, что прото-греки приходят на Дунай и в Элладу уже как обособившаяся от других палеобалканцев лингвистическая группа и вовсе не в качестве носителей собственно нижнемихайловских традиций, а в качестве носителей Ямной (Буджакской) культура. Представляется, что распад палеобалканского диалектного единства связан именно с обстоятельствами вхождения палеобалканцев в состав Ямной культуры Северо-Западного Причерноморья.

Складывание этой культуры шло в период т.н. *протобуджакского горизонта* (курганы Утконосовка 1/3, 2820 г. до н.э.; Новоселица 20/9, 2750 г. до н.э.) [25, С. 364]. В сложении культуры участвовали следующие компоненты [20, С. 22, 28-29, 31]:

1. собственно энеолитическая традиция, которая неотличима от ямной (трупоположение скорчено на спине головой на Запад в прямоугольных ямах); мы называем эту традицию Ямно-Молдаванской культурой, ведущей своё происхождение от курганов периода Триполья В (Думяны) [10, С. 121-122]; численно представлена 37 % погребений.

2. животиловско-трипольская традиция (скелеты скорчены на боку с поднесенными к лицу кистями рук); численно представлена 19-24 % погребений.

3. нижнемихайловская традиция (скелеты скорчены на боку, руки протянуты к коленям); численно представлена 19-24 % погребений.

4. пост-стоговская традиция (трупоположение скорчено на спине головой на Восток в овальных ямах); численно представлена 20 % погребений.

Несомненно, Ямно-Молдаванская традиция была той силой, которая интегрировала все остальные традиции в состав Буджакской культуре, соответственно язык древних насельников Молдаванских степей доминировал в новом археологическом образовании. Палеобалканцы были лишь некоторой частью Буджакской культуры (войдя в её состав, они только теперь переняли шнуровой орнамент), оставаясь этническим меньшинством, не ставшим элитой, однако сохранившим культурную автономию и в первую очередь свой язык.

Что касается пост-стоговской традиции, то её носители несомненно происходили с Волги (на это указывают пояса хвалынского типа в бесспорно пост-стоговском могильнике Кошары I, 3230-2970 гг. до н.э. [26, С. 20, 25]), имели прото-европеоидный расовый облик. При этом, они вероятно, не сумели сохранить своего языка, были довольно ущербной социальной группой внутри Буджакской культуры и потому были наиболее готовы к дальнейшим миграциям – по крайней мере, на Балканах большинство ямников оказываются носителями именно прото-европеоидного антропологического типа [17, С. 130].

Иными словами, основанную массу мигрантов на Балканы составляли именно выходцы с Волги, при этом возглавлялись они индоевропейской элитой и все вместе говорили на одном из и.е. диалектов. Пример миграции ямников в Альфельд и Банат наглядно демонстрирует эту закономерность.

В долине реки Муреш ямники на основе местного субстрата сформировали Мурешскую культуру [13, С. 445]. В 2020 году группа сербских и немецких исследователей довольно детально изучила генофонд этой культуры на примере поселения Мокрин (ст. Табл.1).

Таблица 1 - Состав генофонда Мурешской культуры [27]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.34.1>

Митохондриальные гаплогруппы, Мокрин	Аналогии из других археологических культур
1. U4a2 (дважды)	Хвальнская энеолитическая культура [28]
2. H2b	Самарская область: Курманаевка (Ямная культура), Спиридоновка (Срубная культура) [28]
3. T2b (дважды)	Альшонемеди под Будапештом (Баденская культура) [29]
4. J1b1a1	Зальцмюнд (Германия, культура воронковидных кубков)[30]
5. J1c (трижды)	Абони под Будапештом (Болеразская культура) [29]
6. H (дважды)	Абони (Болеразская культура) [29]
7. K1a4	Пустаташконь (культура Тиса)[29]
8. H1	Культура Тисапольгар [29]
9. HV0e	Ранний Железный век Хорватии 620 г. до н.э. [28]
10. U5a2b1a (x2)	Точных аналогов нет
11. H32	Точных аналогов нет
12. H80 (x3)	Точных аналогов нет
13. H1aj	Точных аналогов нет
14. T2b11	Точных аналогов нет
15. U3a1	Точных аналогов нет
16. U5b2a2c	Точных аналогов нет

Примечание: составлено по [27]

Исключая mtHg, не имеющие аналогов, или более поздние (HV0e), мы имеем выборку из 8 гаплогрупп, которые достоверно разделяются на два кластера - *пришлый* и сугубо автохонный, а так же *неопределенный* кластер. Пропорции митохондриальных компонентов для каждого кластера представлены в Табл.2.

Таблица 2 - Относительные частоты митохондриальных компонентов Мурешской культуры

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.34.2>

Гаплогруппы, удельный вес в %																Итого, %
U4a2	H2b	T2b	J1b1a1	J1c	H	K1a4	H1	HV0e	U5a2b 1a	H32	H80	H1aj	T2b11	U3a1	U5b2a 2c	
8,3	4,2	8,3	4,2	12,4	8,3	4,2	4,2	4,2	8,3	4,2	12,4	4,2	4,2	4,2	4,2	100
Пришлый кластер = 12,5		Автохтонный кластер = 41,6						Неопределенный кластер = 45,9								100

Совершенно очевидно, что пришлый генетический кластер Мурешской культуры (12,5 % населения), несомненно связанный с предшествующей миграцией носителей Ямной культуры, целиком представлен выходцами из Поволжья. При этом от Мурешской культуры прослеживается непрерывная культурная преемственность вплоть до фракийского Гальштатта, что позволяет нам утверждать, что насельники Мурешской культуры были предками, по меньшей мере, фракийцев, а в целом – сатемной ветви палеобалканской группы [10, С.114]. Таким образом, ямные мигранты в Банат, несмотря на генетические связи с Поволжьем, были все-таки носителями индоевропейских языков (сатемного палеобалканского).

Дата миграции в качестве ямников в Альфельд и Банат носителей палеобалканских диалектов, в среде которых впоследствии произойдет сатемизация палатальных фонем (армян, фригийцев и фракийцев), определяется по совместному залеганию ямных древностей с керамикой типа Болераз - Чернавода III в первичных захоронениях Ямной культуры в курганах 5 и 6 Кетедьхаза близ совр. венгерского г. Бекешчаба [31, С. 128-129]. Горизонт Болераз – Чернавода III – раннее Усатово датируется в пределе 2825-2600 гг. до н.э. и фактически синхронен протобуджакскому горизонту (2820-2650 гг. до н.э.). Именно на этот период приходится первая степная (курганная) волна миграций на Балканы - не только в Потисье, но так же во Фракию (Голяма-Детелина близ Бургаса), в Дранию (совр. Северная Греция на берегу Эгейды) [3, С. 41-42], Македонию (Сервия близ легендарной горы Олимп, где как раз в I-й Раннеэлладский период (3000-2600 гг. до н.э.) появляются курганы, каменные ящики и подсыпка охрой) [4, С. 74].

По совокупности имеющихся данных мы полагаем, что именно в период 2800-2600 гг. до н.э. происходит разделение прежде единой палеобалканской группы и выделение из её состава будущих сатемных палеобалканцев. Они мигрируют сначала в ареал формирующейся Буджакской культуры (в степь между Дунаем и Днестром) и в своем миграционном импульсе увлекают за собою часть пост-стоговых насельников протобуджакского горизонта, уже в достаточной мере приобретших ямный археологический облик. В качестве классических ямников эта группа в составе пост-стоговцев (в качестве основной массы) и будущих сатемных палеобалканцев (в качестве немногочисленной элиты) мигрирует дальше в Банат и Альфельд. Их путь через Валахию отмечен пог.4 кургана Аричешти-Рахтивань (близ Плоешти в Румынии), относящимся к протобуджакскому горизонту Болераз – Чернавода III [3, С. 42]. Пост-стоговые и нижнемихайловские элементы в ямных памятниках этих регионов крайне невыразительны, тем не менее в Альфельде отмечается наличие некоторого числа овальных могильных ям (Кетедьхаза, кург. 3, впуск. пог. 1), а в Банате изредка обнаруживаются труположения с наклоном на бок (без указания конкретных памятников) [2, С. 11].

Что касается прото-греков, то их судьба после дивергенции с будущими сатемными палеобалканцами (около 2800 г. до н.э.) может оцениваться двояко: либо прото-греки тогда же вливаются в состав Ямной культуры, но не мигрируют, а оседают в Буджакской степи, либо прото-греки изначально не совершали миграции на Запад, продолжали обитать в Буго-Днепровской степи на всем протяжении широчанско-баратовского этапа (2800-2485 гг. до н.э.) вплоть до прекращения бытования памятников нижнемихайловского типа. Допустимо предполагать, что само это событие связано с окончательным вхождением прото-греков в состав Ямно-Буджакской культуры.

Заключение

Итак, прото-греки прошли долгий и сложный путь от момента, когда еще пребывали в составе неразделенной греко-армяно-арийской общности (аугментной макро-группы) до появления на исторических местах обитания в Элладе. Поэтому правы и те исследователи, которые видят истоки греческого этноса в культурах типа Тисапольгар (Янош Харматта), так и те исследователи, которые связывают греков с рекой Ингул (Дэвид Энтони).

Действительно в составе еще не разделенной аугментной группы прото-греки, являясь носителями своеобразного средиземноморского антропологического типа, отличного от средиземноморского трипольского, покидают ареал Тисапольгара около 3080 г. до н.э. и мигрируют в ареал Триполья. В ходе этой миграции происходит дивергенция индо-иранцев и палеобалканцев (прото-греки пребывают в составе последних).

Около 3080 г. до н.э. палеобалканцы поселяются на трипольских поселениях Небелевка и Новорозановка на Южном Буге. Здесь, особенно в Новорозановке, они активно ассимилируют носителей Нижнемихайловской культуры, заимствуя от них скорченное на боку труположение, чернолощеную керамику, практику возведения курганов. К 2940 г. до н.э. (когда прекращается бытование поселений Михайловка I и Новорозановка) палеобалканцы окончательно стали доминировать в среде носителей нижнемихайловского типа памятников, а скорченное на боку труположение оказывается прочно связано с тисапольгарским антропологическим типом.

Единство палеобалканской группы диалектов сохранялось на протяжении 300 или 500 лет в рамках памятников небелевского (3080-2940 гг. до н.э.) и нижнемихайловского (2940-2800/2600 гг. до н.э.) типа.

На протобуджакском горизонте, который синхронен Болераз – Чернавода III – раннее Усатово (2825-2600 гг. до н.э.), происходит распад палеобалканского единства: группа, в которой впоследствии происходит сатемизация палатальных фонем (будущие армяно-фригийцы и фракийцы) входит в состав Ямно-Буджакской культуры, увлекает часть её насельников в дальнейшую миграцию на Запад и оседает в Альфельде и Банате, где принимает участие в формировании Мурешской культуры. Обнаружение в генофонде этой культуры 12,5 % генов, связанных с Южнорусскими степями, при культурном континуитете от Муреша до исторических фракийцев Железного века, подтверждает правильность предложенной модели происхождения прото-греков: если ближайшая (сестринская) языковая группа – фракийская – генетически оказывается связана с Ямной культурой то прото-греки так же необходимо должны были рано или поздно влиться в состав этой культуры, предположительно – по окончании широчанско-баратовского этапа бытования памятников нижнемихайловского типа.

В рамках Ямной (Буджакской) культуры прото-греки обитали в период 2485-2300 гг. до н.э., сохраняя некоторую степень культурной автономии (в том числе свой язык) и ряд нижнемихайловских черт (чернолощеную керамику,

скорченное на боку труположение, каменные ящики в качестве гробниц). Тем не менее археологически они принимают облик классических ямников (шнуровой орнамент).

С очередной волной степной (курганной) миграции на Балканы в III Раннеэллиадском периоде (= Эзеро V) прото-греки уже как классические ямники приходят в ареал Глина III – Шнекенбекрг (около 2300 г. до н.э.), а потом продвигаются в Македонию и Фессалию (Пэфкакия), где обитали в период 2300-2100 гг. до н.э. и познакомились с троянской технологией изготовления керамики на гончарном круге.

Наконец, около 2100 г. до н.э. со всем накопленным культурным багажом (указывающим на предшествующие ареалы обитания и археологическое происхождение – курганы, чернолощенная керамика, каменные ящики, шнуровой орнамент и гончарный круг) прото-греки проникают на Пелопоннес (Лерна IV). Предыстория заканчивается, начинается история собственно греков в Элладе.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Sakellariou M. Les proto-grecs. Athen / M. Sakellariou. — 1980. — 287 p.
2. Иванова С.В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области / С.В. Иванова // Российская Археология. — 2014. — № 2. — С. 5-20
3. Александров С. Могилни гробове от ранната бронзова епоха в Тракия (55 години покъсно) / С. Александров // Археология (София). — 2015. — № LVI. — Кн. 1–2. — С. 33–48
4. Katona A.L. Proto-Greeks and the Kurgan Theory / A.L. Katona // Journal of Indo-European Studies. — 2000. — Vol. 28. — № 1-2. — P. 65-99.
5. Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов / Л.С. Клейн. — СПб, 2007. — 226 с.
6. Думас Х. Ранний Бронзовый век / Х.Думас // История Человечества. — М, 2003. — Том 2. — С.150-155
7. Makkay J. A Neolithic Model of Indo-European Prehistory / J. Makkay // Journal of Indo-European Studies. — 1992. — Vol. 20. — P. 193-238
8. Harmatta J. The Prehistory of the Greek Language / J. Harmatta // Annales Universitatis Budapestinensis. Sectio Classica. — 1975. — № 3. — P. 3-10.
9. Anthony D. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World / D. Anthony. — Princeton, 2007. — P. XII+553
10. Алексеев К.А. Дивергенция палеобалканской группы индоевропейцев и освоение ими Балкано-Анатолийского региона в Бронзовом веке / К.А. Алексеев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». — 2022. — № 1. — С. 111-129
11. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века / А.Л. Монгайт. — М, 1974. — 428 с.
12. Катиншаров Р. Юго-Восточная Европа / Р. Катиншаров, Н. Тасич // История Человечества. — М, 2003. — Т. 2. — С. 356-360
13. Николова Л. Ямная культура на Балканах / Л. Николова // Stratum plus. — 2000. — № 2. — С.423-458
14. Даниленко В.Н. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики / В.Н. Даниленко // Краткие сообщения Института Археологии АН Украинской ССР. — 1955. — Вып. 4. — С. 126-128.
15. Котова Н.С. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа / Н.С. Котова. - Киев ; Харьков, 2013. - 486 с.
16. Шапошникова О.Г. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула / О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарев, И.Н.Шарафутдинова // Древности Поингуля. — Киев, 1977. — С.7-36
17. Иванова С.В. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра / С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова. - Одесса. 2005. - 207 с.
18. Энеолит СССР. — М. : Издательство АН СССР, 1982. — 360 с.
19. Збеневич В.Г. Поздне трипольские племена Северного Причерноморья / В.Г. Збеневич. — Киев, 1974. — 176 с.
20. Иванова С.В. Об истоках формирования Буджакской культуры / С.В. Иванова // Старожитності степового Причерномор'я і Криму. — 2012. — Вып. XVI. — С.18-62.
21. Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию / А.Г. Козинцев // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 4(40). — С.125-136
22. Алексеев К.А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор) / К.А. Алексеев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «История и политические науки». — 2021. — № 3. — С. 131–145
23. Овчинников Е. В. Трипільська культура Канівського Подіпров'я (етапи В II – С I) / Е.В. Овчинников. — Київ, 2014. — 406 с.
24. Шмаглий Н.М. Изучение поселения трипольской культуры Майданецкое / Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла. Ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации / Институт истории материальной культуры РАН. — СПб, 2000. — С. 15-52

25. Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху Ранней и Средней Бронзы / Л.В. Субботин // *Stratum plus*. — 2000. — № 2. — С. 350-387
26. Петренко В.Г. Проблема «Триполье и Степь» и памятниками энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья / В.Г. Петренко // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. — 2009. — Вып. 9. — С. 10–38
27. Žegarac A. Kinship, acquired and inherited status, and population structure at the Early Bronze Age Mokrin necropolis in northern Serbia / A. Žegarac, L. Winkelbach et al. // *bioRxiv*. — DOI: 10.1101/2020.05.18.101337
28. Mathieson I. The Genomic History of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // *Nature*. — 2018. — Vol. 555. — №. 7695. — P. 197-203
29. Lipson M. Parallel ancient genomic transects reveal complex population history of early European farmers / M. Lipson et al. // *bioRxiv*. — 2017. — P. 1–26.
30. Brandt G. Beständig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedelungsgeschichte Europas während des Neolithikums mittels paläo-und populationsgenetischer Verfahren / G. Brandt. — Mainz, 2014. — 367 p.
31. Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны / В.А. Сафронов. — Горький, 1989. — 400 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sakellariou M. Les proto-grecs. Athen [The Proto-Greeks. Athens] / M. Sakellariou. — 1980. — 287 p. [in French]
2. Ivanova S.V. Balkano-Karpatiskiy variant yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti [The Balkan-Carpathian Variant of the Yamnaya Cultural-Historical Area] / S.V. Ivanova // *Rossiyskaya Arkheologiya [Russian Archeology]*. — 2014. — № 2. — P. 5-20 [in Russian]
3. Alexandrov S. Mogilni grobove ot rannata bronzova epoha v Trakija (55 godini pok'sno) [Early Bronze Age Barrow Graves in Thrace (55 years later)] / S. Alexandrov // *Arheologija (Sofija) [Archaeology (Sofia)]*. - 2015. — № LVI. — Vol. 1–2. — P. 33–48 [in Bulgarian]
4. Katona A.L. Proto-Greeks and the Kurgan Theory / A.L. Katona // *Journal of Indo-European Studies*. — 2000. — Vol. 28. — № 1-2. — P. 65-99.
5. Kleyn L.S. Drevniye migratsii i proiskhozhdeniye indoyevropeyskikh narodov [Ancient Migrations and the Origin of the Indo-European Peoples] / L.S. Kleyn. — St. Petersburg, 2007. — 226 p. [in Russian]
6. Dumas Ch. Ranniy Bronzovyy vek [Early Bronze Age] / Ch. Dumas // *Istoriya Chelovechestva [History of Mankind]*. — Moscow, 2003. — Vol. 2. — P.150-155 [in Russian]
7. Makkay J. A Neolithic Model of Indo-European Prehistory / J. Makkay // *Journal of Indo-European Studies*. — 1992. — Vol. 20. — P. 193-238
8. Harmatta J. The Prehistory of the Greek Language / J. Harmatta // *Annales Universitatis Budapestinensis. Sectio Classica*. — 1975. — № 3. — P. 3-10.
9. Anthony D. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World / D. Anthony. — Princeton, 2007. — P. XII+553
10. Alekseev K.A. Divergentsiia paleoblakanskoi gruppy indoyevropeitsev i osvoenie imi Balkano-Anatoliiskogo regiona v Bronzovom veke [Divergence of the Paleoblacon group of Indo-Europeans and their Development of the Balkan-Anatolian Region in the Bronze Age] / K.A. Alekseev // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Historical Sciences"]*. — 2022. — № 1. — P. 111-129 [in Russian]
11. Mongayt A.L. Arkheologiya Zapadnoy Yevropy. Bronzovyy i zheleznyy veka [Archaeology of Western Europe. Bronze and Iron Ages] / A.L. Mongayt. — Moscow, 1974. — 428 p. [in Russian]
12. Katinsharov R. Yugo-Vostochnaya Yevropa [Southeast Europe] / R. Katinsharov, N. Tasich // *Istoriya Chelovechestva [History of Mankind]*. — Moscow, 2003. — Vol. 2. — P. 356-360 [in Russian]
13. Nikolova L. Yamnaya kul'tura na Balkanakh [Yamnaya Culture in the Balkans] / L. Nikolova // *Stratum plus*. — 2000. — № 2. — P. 423-458 [in Russian]
14. Danilenko V.N. O rannikh zveniyakh razvitiia stepnykh vostochnoevropeyskikh kultur shnurovoi keramiki [On the Early Development of Steppe East European Cultures of Corded Pottery] / V.N. Danilenko // *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii AN Ukrainskoi SSR [Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR]*. — 1955. — Iss.4. — P. 126-128 [in Russian]
15. Kotova N.S. Dereivskaja kul'tura i pamjatniki Nizhnemihajlovskogo tipa [Dereuvian Culture and Monuments of the Lower Mikhaylovka Type] / N.S. Kotova. - Kyiv ; Har'kov, 2013. - 486 p. [in Russian]
16. Shaposhnikova O.G. O pamiatnikakh epokhi medi – rannei bronzy v basseine r. Ingula [Monuments of the Copper-Early Bronze Age in the Ingul River Basin] / O.G. Shaposhnikova, V.S. Bochkarev, I.N. Sharafutdinova // *Drevnosti Poingulia [Antiquities of Poingulia]*. — Kyiv, 1977. — P. 7-36 [in Russian]
17. Ivanova S.V. Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurechia Iuzhnogo Buga i Dnestra [Mounds of Ancient Cattle-Breeders between the Southern Bug and Dniester rivers] / S.V. Ivanova, V.G. Petrenko, N.E. Vetchinnikova. - Odessa, 2005. - 207 p. [in Russian]
18. Eneolit USSR [Eneolithic of the USSR]. — Moscow : AN USSR Publishing house, 1982. — 360 p. [in Russian]
19. Zbenovich V.G. Pozdnetripolskie plemena Severnogo Prichernomoria [Late Norse tribes of the Northern Black Sea Coast] / V.G. Zbenovich. — Kyiv, 1974. — 176 p. [in Russian]
20. Ivanova S.V. Ob istokah formirovaniya Budzhakskoj kul'tury [About the origins of the Budjak culture formation] / S.V. Ivanova // *Starozhitnosti stepovogo Prichernomor'ja i Krimu [The old age of the steppe Black Sea and the Crimea]*. — 2012. — Iss. XVI. — P.18-62. [in Russian]

21. Kozintsev A.G. O rannikh migratsiyakh yevropeoidov v Sibir i Tsentral'nuyu Aziyu [On Early European Migrations to Siberia and Central Asia] / A.G. Kozintsev *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia]. — 2009. — № 4(40). — P. 125-136 [in Russian]
22. Alekseev K.A. Areal'no-dialektnaya divergentsiya vostochnoy vetvi indoyevropeyskoy sem'i (integral'nyy obzor) [Areal-Dialect Divergence of the Eastern Branch of the Indo-European Family (Integral Review)] / K.A. Alekseev // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: "History and Political Science"]. — 2021. — № 3. — P. 131-145 [in Russian]
23. Ovchinnikov E. V. Tripilska kultura Kanivskogo Podiprov'ia (etapi V II – C I) [Trypillian Culture of Kaniv Podiprovia (stages B II - C I)] / E.V. Ovchinnikov. — Kyiv, 2014. — 406 p. [in Ukrainian]
24. Shmaglii N.M. Izuchenie poseleniia tripolskoi kultury Maidanetskoe [Studying the settlement of the Trypillian culture of Majdanetskoe] / N.M. Shmaglii, M.Iu. Videiko // *Drevnie obshchestva iuga Vostochnoi Evropy v epokhu paleometalla. Rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kulturnoi transformatsii. Institut istorii materialnoi kultury RAN* [The Ancient Societies of Southern Eastern Europe in the Paleometallic Epoch. Early Complex Societies and Issues of Cultural Transformation] / Institute for the History of Material Culture RAS. — SPb, 2000. — P. 15-52 [in Russian]
25. Subbotin L.V. Severo-Zapadnoye Prichernomor'ye v epokhu Ranney i Sredney Bronzy [The Northwest Black Sea Region in the Early and Middle Bronze Age] / L.V. Subbotin // *Stratum plus*. — 2000. — № 2. — P. 350-387 [in Russian]
26. Petrenko V.G. Problema "Tripole i Step" i pamiatnikami eneolita – rannei bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomoria [The Problem of Tripolye and the Steppe and the Eneolithic and Early Bronze Age Monuments of the Northwest Black Sea Region] / V.G. Petrenko // *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomoria* [Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea Region]. — 2009. — Iss. 9. — P. 10–38 [in Russian]
27. Žegarac A. Kinship, acquired and inherited status, and population structure at the Early Bronze Age Mokrin necropolis in northern Serbia / A. Žegarac, L. Winkelbach et al. // *bioRxiv*. — DOI: 10.1101/2020.05.18.101337
28. Mathieson I. The Genomic History of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // *Nature*. — 2018. — Vol. 555. — №. 7695. — P. 197-203
29. Lipson M. Parallel ancient genomic transects reveal complex population history of early European farmers / M. Lipson et al. // *bioRxiv*. — 2017. — P. 1–26.
30. Brandt G. Beständig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedlungsgeschichte Europas während des Neolithikums mittels paläo- und populationsgenetischer Verfahren [Only change is constant! The reconstruction of the settlement history of Europe during the Neolithic using paleo- and population-genetic methods] / G. Brandt. — Mainz, 2014. — 367 p. [in German]
31. Safronov V.A. Indoevropeskie prarodiny [Indo-European Ancestral Lands] / V.A. Safronov. — Gorkiy, 1989. — 400 p. [in Russian]